

—

Поместье Цзинь было закрыто, Чжаоянь больше не мог посещать семейную школу под руководством учителя, а Фу Мин тоже не мог выходить на улицу. Сейчас, кроме ожидания, казалось, ничего нельзя было сделать. Поэтому Фу Мин каждый день обучал Чжаояня, и книга «Тысяча иероглифов» уже перешла от строк «безграничные просторы, туманные горы и пещеры» к «годы торопятся, свет солнца ярко сияет».

Хотя летняя атмосфера была еще сильна, но листья на деревьях во дворе уже пожелтели и опали. Один опавший лист предвещал осень, и Фу Мин, вложив подобранный рано утром лист в книгу Чжаояня, погрузился еще больше. В эти дни, когда он учил Чжаояня, он часто был рассеян, а Чжаоянь, казалось, понимал его состояние и позволял ему витать в облаках, не задавая вопросов. Он просто прижимался к нему, брал его за руку и прикладывал лицо к его груди, словно ласкаясь, а словно утешая.

Фу Мин был в таком состоянии, а Жэньлань и вовсе не могла сосредоточиться на рукоделии. Она поверила первоначальным словам Фу Мина, но со временем ее беспокойство неизбежно усилилось. Старая госпожа была более проницательна, чем она, и от беспокойства и горя ее здоровье ухудшилось. Поэтому Жэньлань просто прекратила свое рукоделие и стала ухаживать за старой госпожой. Синьюэ большую часть дня тоже проводила у старой госпожи. В компании им было легче пережить дни, чем одной сидеть в комнате, предаваясь тревожным мыслям.

Синьюэ, видя, что Жэньлань приходит каждый день раньше нее и почти целый день проводит в комнате старой госпожи, уговаривала ее: «Сестра Лань, я здесь со старой госпожой. Если тебе скучно сидеть в за рукоделием или чтением, приходи к нам, мы поговорим вместе. Зачем сидеть в здесь весь день? Разве у тебя не много дел, которые нужно закончить? Разве сестра Лань не говорила, что не доверишь их никому, а вышьешь каждый стежок сама?»

Жэньлань, потянув Синьюэ, спряталась в укромном месте, где никого не было: «Сестра, у меня есть кое-что на душе, и я не знаю, с кем поговорить, но держать это в себе слишком тяжело. Так что я расскажу тебе, сестра, помогите мне принять решение».

Синьюэ, услышав это, кивнула, ее лицо стало серьезным: «Говори».

Жэньлань тихо вздохнула и медленно произнесла: «Наша семья сейчас находится в такой беде, и неизвестно, будет ли это ложной тревогой или неизбежной катастрофой. Я... я не хочу втягивать других. Пока еще не поздно, я хочу попросить брата Мина расторгнуть мою помолвку, чтобы, даже если случится что-то непредвиденное, семья Тао не пострадала из-за меня».

Синьюэ была поражена: «Как ты могла так подумать? Если девушка обручится, а потом расторгнет помолвку, как ей потом жить?»

Жэньлань покачала головой, но ее выражение было твердым: «Сейчас все так, как есть, и нельзя думать о будущем. Если мы на этот раз не сможем избежать этого, то даже если семья Тао не расторгнет помолвку, свадьба, вероятно, не состоится. Если мы на этот раз сможем избежать этого, то даже если мне придется провести остаток жизни в одиночестве, это не имеет значения».

«Важное дело всей жизни, как ты можешь говорить об этом так легкомысленно?»

«Сестра, я не просто так произнесла эти слова. Я долго думала об этом. Семья Тао до сих пор не расторгла помолвку, а вместо этого каждый раз присылает людей в поместье, чтобы помочь нам. Это уже предел их доброты. Отплачивать добром за добро — это семейный завет нашей семьи Цзинь. Если я буду думать только о себе, то как я смогу быть дочерью семьи Цзинь?»

Синьюэ долго молчала, потом взяла Жэньлань за руку: «Ах, раз ты уже все решила, какой смысл мне говорить больше? Я тебя понимаю, но не могу поддержать, потому что я хочу, чтобы ты жила хорошо. Но если это твое решение, тогда иди и поговори со старой госпожой, и обсуди это с Мин Гунцзы. Они оба проницательнее меня, возможно, они смогут сделать лучший выбор для тебя».

«Я хочу сначала скрыть это от старой госпожи и моего отца, им сейчас не стоит беспокоиться обо мне. Когда это дело будет решено, и дело старшего брата тоже будет решено, тогда они все узнают. Я лишь желаю, чтобы к тому времени мы все были в безопасности, и тогда моя личная судьба, выйду я замуж или нет, уже не будет иметь значения».

Синьюэ, услышав это, с влажными глазами утешила ее: «Все будет хорошо, небо не может не оставить никаких путей, наша семья никогда не творила зла, и мы обязательно преодолеем несчастье и превратим его в удачу».

Жэньлань тихонько улыбнулась в ответ: «Будем надеяться».

—

В тот день, когда Фу Мин навестил старую госпожу, Жэньлань последовала за ним в Фан Мань Тин.

После прогулки они вошли в дом. Фу Мин отослал Люй Фэй и других на улицу и спросил Жэньлань: «Сестра, ты хочешь что-то сказать?»

Жэньлань кивнула и ответила: «Брат Мин, у меня к тебе одна просьба».

Фу Мин спросил, что это за дело, и Жэньлань подробно рассказала ему о своих мыслях, размышлениях и решении, принятом за последние несколько дней.

Фу Мин, как и Синьюэ, долго молчал, а затем вздохнул: «Хотя семья Тао и торговцы, они ценят чувства и справедливость. Думаю, брат Лэсюй никогда не думал о расторжении нашей помолвки. Но и в твоих словах, сестра, есть смысл. Как твой старший брат, я желаю тебе добра; как член семьи Цзинь и друг брата Лэсюя, я не хочу, чтобы дела нашей семьи повлекли за собой проблемы для семьи Тао».

Жэньлань сказала: «Беда или удача, кто может предсказать? Если мы будем колебаться и дальше, то когда придет большая беда, будет уже слишком поздно».

Фу Мин немного подумал: «Я сообщу об этом брату Лэсюю, сестра, не беспокойся об этом больше. Пока еще не дошли до тупика, мы не должны быть слишком пессимистичны, посмотрим, что принесет завтрашний день».

На следующий день из поместья Тао все еще присылали в поместье Цзинь тонизирующие лекарства и прочее. Фу Мин попросил слугу передать Тао Яну письмо, которое он написал ночью.

Тао Ян, получив письмо, не ответил, но нашел способ проникнуть в поместье Цзинь. Увидев Фу

Мина, он, не обращая внимания на этикет, сразу же сказал:

«Брат Мин, я категорически против расторжения помолвки».

Фу Мин успокоил его, а затем рассказал ему все, что не было сказано в письме, включая мысли Жэньлань.

Тао Ян, выслушав, все же настаивал: «Если бы вы не подняли этот вопрос, мы бы не расторгли помолвку, а раз вы сами заговорили об этом, то тем более это невозможно. Как сказала девушка Жэньлань, отплачивать добром за добро. Она такая хорошая девушка, как я могу ее подвести?»

Фу Мин был глубоко тронут и слегка улыбнулся: «Наша Жэньлань прекрасна, и брат Лэсюй ей тоже хорошая пара. Только вот неизвестно, захочет ли небо быть милостивым и исполнить ваши желания».

Тао Ян сказал: «Если небо будет милостиво, я буду с ней мужем и женой всю жизнь, а если нет, она все равно всегда будет в моем сердце. Брат Мин, кроме непреодолимых природных катастроф и человеческих бед, я не могу просто так отпустить ее. Передай от меня девушке, что пока она хочет и может выйти замуж, я женюсь на ней любой ценой».

Фу Мин ответил: «Я знаю, какой ты человек и что чувствуешь к сестре Жэньлань. Но тебе также нужно подумать о семье Тао и твоих родителях. Хорошо, брат Лэсюй, возвращайся домой, обсуди это с твоими родителями и затем ответь мне, хорошо?»

Тао Ян немного подумал, понял положение и мысли Фу Мина и Жэньлань: «Я сейчас же вернусь в поместье, объясню это родителям и обязательно отвечу как можно скорее, не беспокойся».

Всего через день Фу Мин получил ответ от семьи Тао. Он передал Жэньлань собственноручное письмо господина Тао и вещь, подаренную госпожой Тао, которая передавалась по наследству от главной жены семьи Тао. Жэньлань, получив письмо и вещь, расплакалась.

Старая госпожа, услышав об этом, просветлела лицом, несмотря на болезнь: «Действительно, тогда мы правильно выбрали его семью. Лань-эр, если мы переживем это, когда ты выйдешь замуж за семью Тао, ты обязательно должна всем сердцем служить свекру и свекрови, помогать мужу и воспитывать детей, чтобы отплатить за их сегодняшнюю глубокую доброту».

Жэньлань кивнула и с улыбкой ответила: «Я запомню наставления старой госпожи, доброту семьи Тао Жэньлань никогда не забудет».

Синьюэ тоже улыбнулась рядом: «Сестра — счастливица, на этот раз мы обязательно преодолеем это препятствие, и в будущем вас ждет много счастья!»

—

После всего этого Фу Мин все больше убеждался, что нельзя сидеть сложа руки. Цзинь И все еще был в тюрьме, его безопасность, надежды всего поместья, будущее Жэньлань и Чжаояня... Все это не давало ему расслабиться.

Зная это, Фу Мин сначала попросил Люй Фэй помочь ему тщательно пересчитать все его приданое, чтобы выяснить общую сумму. Если бы пришлось давать взятки, этих денег, вероятно, было бы недостаточно, а сейчас не время жалеть о материальных вещах. Поэтому Фу

Мин обратился за советом к Синьюэ.

Среди денег и сокровищ в сокровищнице часть была дарована императором, и их нельзя было трогать. Часть была отложена для приданого Жэньлань, и Фу Мин и Синьюэ решили, что их тоже нельзя трогать.

«Остальное, помимо расходов на поместье за несколько месяцев и некоторых необходимых обменов любезностями, составило более ста тысяч лян серебра», — Синьюэ не могла не вздохнуть. «Этот герцогский особняк выглядит величественно, но теперь у него есть только это. Мин Гунцзы, пожалуйста, не смейтесь».

Фу Мин покачал головой: «Смеяться будут посторонние, а я человек этого поместья, как я могу?»

Синьюэ почувствовала, что проговорила, и неловко сказала: «Это я глупость сказала».

«Ничего, я знаю, что вы не со зла. Эти деньги, пожалуйста, хорошо храните. Если возникнет необходимость, я приду и возьму их у вас».

«Угу. Я понимаю». Синьюэ крепко сжала ключи, словно держала нить надежды: «Гунцзы, не беспокойтесь».

После того как деньги были подготовлены, Фу Мин по-прежнему не мог выходить, а новости извне оставались очень расплывчатыми. Эти деньги пока были бесполезны.

Фу Мин снова оказался в безвыходной ситуации, поэтому он начал просматривать различные книги в библиотеке поместья, особенно те записи, которые касались ареста человека из-за фракционной борьбы при дворе. Он внимательно изучал их одну за другой, надеясь найти какой-нибудь опыт, который мог бы разрешить кризис.

Однажды, когда Фу Мин наткнулся на письмо Су Цзыю, написанное тогдашнему императору, под названием «Письмо императору от имени моего брата Ши, находящегося в тюрьме», он долго размышлял, а затем взял кисть и написал письмо «Письмо императору от имени моего мужа, находящегося в тюрьме».

В письме он начал с того, как семья Цзинь добилась успеха в те годы, вспоминая милость и справедливость императора по отношению к своим подданным. Затем он написал, как семья Цзинь передавалась из поколения в поколение, дошла до наших дней, всегда находясь под непрерывной милостью императора. Если бы не это, эта семья, не обласканная небом, возможно, уже давно бы увяла и исчезла. И сейчас, Цзинь И был единственным продолжателем и наследником семьи Цзинь, а император был единственной опорой, на которую могла рассчитывать семья Цзинь... Сколько слов и фраз используется для эвфемистического выражения человеческих отношений и праведности между императором и его подданными. В самом конце Фу Мин добавил еще несколько строк, благодаря императора за первоначальный брак по указу и говоря, что если на этот раз Цзинь И действительно совершил непростительное преступление, он готов вместе с ним покончить с собой в знак благодарности, и стать супругами снова в загробном мире, чтобы отплатить за милость императора в тот день.

Закончив писать, он отложил кисть, чернила высохли, и он запечатал письмо. Внутри была смиренная и искренняя просьба Фу Мина, а также его твердая решимость, выраженная в каждом слове.

Несколько дней спустя это письмо через Ци Юаньшу, который в прошлом году занял первое место на императорских экзаменах и теперь служил в Академии Ханьлинь, попало в руки императора. Император, вскрыв и прочитав его, лишь вздохнул и сказал: «Ему было тяжело». Но больше ничего не сказал.

—

<http://bllate.org/book/12585/1118434>